

Альманахи Некрасова («Статьки в стихах без картинок», «Физиология Петербурга», «Петербургский сборник» и «Первое апреля») и их значение в русской литературе 40-х годов. Сотрудничество Некрасова в альманахах (стихи и проза). Организация Некрасовым новой редакции журнала «Современник». «Современник» в 40-е годы

Если Тросников встал под знамя Белинского, то тем более встал под него сам Некрасов. Об этом с чрезвычайной яркостью свидетельствуют его альманахи 40-х годов, объединившие распыленные силы передовой литературы. Лучшие писатели того времени, привлеченные Некрасовым к сотрудничеству в альманахах, проявляли все больше и больше настойчивости в стремлении к преобразованию действительности на новых основаниях и окончательно избрали реализм своим основным художественным методом.

Если первый из этих альманахов — «Статьки в стихах без картинок» (1843) — представляет интерес лишь постольку, поскольку в нем напечатан блестящий стихотворный фельетон Некрасова «Говорун», в легкой манере повествующий о развлечениях и диковинках Петербурга, то второй — «Физиология Петербурга» — и третий — «Петербургский сборник» — являлись крупными событиями в литературе того времени.

Две части альманаха «Физиология Петербурга» сыграли очень важную роль в деле пропаганды и упрочения в русской литературе гоголевской школы. Кроме Белинского, напечатавшего в альманахе целых четыре статьи, и Некрасова, напечатавшего в нем очерк «Петербургские углы» и стихотворение «Чиновник», в альманахе участвовали Григорович, Гребенка, Даль (Луганский), Панаев и Кульчицкий.

Белинский в особой вступительной статье подчеркивал, что составители альманаха, прежде всего, стремились ознакомить

своих читателей «с многочисленными сторонами русского быта, русского общества».¹ «Сколько материалов, — писал он, — представляет собою для сочинений такого рода огромная Россия! — Великороссия, Малороссия, Белороссия, Новороссия, Финляндия, остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь, — все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям, и, особенно, по смеси чисто-русского элемента со множеством других элементов... Мало этого: сколькими оттенками пестреет сама Великороссия не только в климатическом, но и в общественном отношении!».²

Вместе с тем Белинский настаивал на необходимости в посвященных описанию русского быта и русского общества сочинениях проводить «верный взгляд на общество». Это, конечно, слишком общая формулировка, приуроченная к требованиям цензуры, особенно придиравшейся к альманаху, но Белинский не ограничился ею, он намекнул на то, что «верный взгляд на общество» определяется критическим отношением к «диким понятиям», к «ревущим противоречиям между европейской внешностью и азиатской сущностью».

Не вдаваясь в более подробный анализ «Физиологии Петербурга», тем более, что нам уже приходилось говорить о лучшем беллетристическом его произведении, «Петербургских углах», отметим все же, что поставленные перед собой задачи альманах разрешал удачно и заслужил хвалебный отзыв Белинского в «Отечественных записках» (1845, № 8), писавшего: «Мысль этой книги прекрасна... можно сказать утвердительно, что это едва ли не лучший из всех альманахов, которые когда-либо издавались».³

А несколько позже Белинский писал, что третий альманах Некрасова, «Петербургский сборник» (1846), — «небывалое явление в нашей литературе, и присовокупил: «От того и успех небывалый».⁴ Действительно, трудно представить себе книгу, которая по подбору авторов, по качеству их произведений могла бы равняться с «Петербургским сборником». Из великих русских критиков и публицистов в «Сборнике» приняли участие Белинский и Герцен, из беллетристов — Тургенев и Достоевский, Одоевский, Панаев, из поэтов — Некрасов и Майков. Кроме того, в «Сборнике» были помещены переводы

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений под ред. С. А. Венгерова, т. XII, 1926, стр. 476.

² Там же, стр. 478.

³ Там же, т. IX; 1910, стр. 470.

⁴ Там же, т. X, 1914, стр. 233.

произведений Шекспира, Гете, Байрона. А главное, «Петербургский сборник» давал новые и очень яркие доказательства того, что отныне становятся отличительными особенностями передовой литературы реализм, т. е. показ действительной жизни преимущественно в ее темных и мрачных сторонах, показ, продиктованный стремлением придать литературе серьезный, социальный смысл, демократическая тематика, заставлявшая с большим вниманием относиться к представителям низших классов, чем к представителям социальных верхов, изображаемых обычно в сатирическом плане, наконец, гуманистическая настроенность и направленность, благодаря которым писатели с особым сочувствием относились к страдающей человеческой личности. Не Некрасов был основным пропагандистом реалистического направления, а Белинский, но никоим образом не следует забывать здесь и исключительных заслуг Некрасова. И «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник» по праву могут быть названы детищами Некрасова, ибо, не обладая он такими блестящими организаторскими способностями, тактом и чутьем перворазрядного редактора, практическим взглядом, характеризующим его как выдающегося издателя, — едва ли эти альманахи могли создаться в таком именно виде, в каком они вышли в свет, и приобрести такой колоссальный успех. А кроме того, первостепенное значение имел и вклад Некрасова в альманахи как одного из основных их сотрудников. Если «Петербургские углы», да отчасти и сатирически разоблачающее чиновника-реакционера николаевских времен стихотворение «Чиновник», являясь типичными для гоголевского направления «физиологическими очерками», были очень острыми в социальном отношении произведениями, то еще в большей степени это относится к четырем замечательным стихотворениям, помещенным Некрасовым в «Петербургском сборнике». Эти стихотворения, равно как напечатанная незадолго до выхода «Сборника» «Современная ода» («Отечественные записки», 1845, № 4), с чрезвычайной яркостью и убедительностью свидетельствовали о том, что Некрасов принадлежал к тем представителям гоголевского направления, которые встали на революционно-демократические позиции.

В «Современной оде» Некрасов пригвоздил к позорному столбу нового и очень опасного врага народа — буржуа-капиталиста. В данном случае Некрасов творчески следовал Гоголю как автору «Мертвых душ» и создателю образа Чичикова. В отношении этого последнего Гоголь, как помнит читатель, ставит вопрос: «Кто ж он? стало быть, подлец?», и

тут же отвечает на него: «Почему ж подлец, зачем же быть так строгу к другим? . . . Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель. Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых*».¹ Хотя, по смыслу сказанного здесь, «приобретатель» не слишком далеко ушел от «подлеца», однако Гоголь все же не решился назвать Чичикова «подлецом». Слова «подлец» нет в тексте и «Современной оды», но по прочтении этого стихотворения, изображающего человека, который действует заодно с «гадиной» и «злодеем», крадет деньги «у сирот беззащитных и вдов», торгует своей дочерью, трудно удержаться от восклицания: «Какой подлец!».

Подлецом представлен барин в стихотворении «В дороге», который насильно выдал замуж молодую интеллигентную девушку, к тому же сестру своей жены, за крепостного парня, — иначе говоря, обрек ее на страдальческую жизнь и медленное умирание.

В стихотворении «Колыбельная песня» уже фигурирует самое слово «подлец», да еще в таком предрасполагающем к широкому обобщениям контексте:

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой.

В стихотворении «Отраднo видеть», явно имея в виду каких-то весьма высокопоставленных особ, Некрасов в применении к ним дважды употребляет это слово:

Отраднo видеть. .
Что ты, подлец, меня гнетущий,
Сам лижешь руки подлецу.

Не будет преувеличением сказать, что с такою смелостью, таким резким до дерзости языком никто из русских писателей не говорил до Некрасова. Буржуазные литературоведы стремились, искажая облик Некрасова, представить его человеком чрезмерно осторожным, склонным к компромиссам, а между тем, как противоречат этому представлению о нем такие факты, как создание столь острых в социально-политическом отношении стихотворений! И каких огромных усилий стоило поэту провести их через свирепую николаевскую цензуру!

В «Петербургском сборнике», кроме стихотворений «В дороге», «Колыбельная песня», «Отраднo видеть, что нахо-

¹ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VI, Изд. АН СССР, 1951, стр. 241, 242.

дит...», помещено не менее замечательное стихотворение Некрасова «Пьяница». Образ «пьяницы» подан здесь в очень сочувственном освещении, достигаемом умелым совмещением черт, характеризующих внешнюю сторону жизни пьяницы («хата бедная», «скудный наряд», «поникшая голова» и т. п.), и черт, рисующих его психику, его духовный облик («томительное боренье», «тоска мучительная», «злоба тайная» и т. д.). Несмотря на то, что «пьяница» стоит на самых низких ступенях социальной лестницы, поэт подчеркивает, что в его душе еще живы и сожаление к участи «матери — старухи бледной» и мечта о «труде ином — свежительном». Образ «пьяницы» резко контрастирует с образами других стихотворений Некрасова в «Петербургском сборнике» — помещика, чиновника, высокопоставленной особы. Если они, заклёйменные по заслугам именем «подлецов», возбуждают жгучее негодование, то образ пьяницы возбуждает жалость и сострадание, а вместе с тем и мысль о том, жертвой чего или кого пьяница является. Конечно, он — жертва горькой бедности, жертва того несправедливого социального строя, который создан и поддерживается все теми же «подлецами». Если в стихотворении «В дороге» «господа» указываются как непосредственные виновники гибели бедной Груши, то отсутствие в стихотворении «Пьяница» указаний на непосредственных виновников гибели героя заставляет всякого сколько-нибудь сознательного читателя перенести ответственность на весь социальный строй.

Почти одновременно с выходом в свет «Петербургского сборника» в «Отечественных записках» (1846) были напечатаны стихотворения «Когда из мрака заблуждения» и «Огородник», в первом из которых Некрасов в борьбе против социальной неправды провозглашает новый взгляд на так называемую «падшую женщину» («Я понял всё, дитя несчастья! Я всё простил и всё забыл»), а во втором резко восстает против сословных предрассудков, разрушающих счастье «мужика вахлака» и «дворянской дочери», любящих друг друга.

Через два года после выхода «Петербургского сборника» Некрасов создает замечательное стихотворение, в котором изображает публичное истязание крестьянки на одной из площадей города. Кипящее в душе поэта возмущение и теми неправдами, которые творятся в деревне, и теми, которые совершаются в городе, как бы соединяются в единый поток. Мы имеем в виду стихотворение 1848 года «Вчерашний день часу в шестом». Это стихотворение замечательно еще и в том отношении, что оно является первой поэтической декларацией

Некрасова зрелого периода его творчества. В нем первые шесть строчек представляют своего рода «физиологический очерк», поражающий эмоциональностью своего содержания и яркостью красок. Концовка же стихотворения — последние две строчки — не только призвана усилить впечатление от стихотворения, но и подчеркнуть органическую связь между страданиями народа и поэтическим творчеством Некрасова. Назвать свою музу «родной сестрой» подвергаемой позорному наказанию крестьянской девушки — это значило не только создать незабываемый по силе впечатления образ, равных которому немного найдется в мировой поэзии, — это значило решить вопрос об общественной миссии поэта так, как его мог решить только убежденный и последовательный революционный демократ. Истинная поэзия должна быть, прежде всего, обращена лицом к народу, должна быть связана с его горестями и радостями так же крепко, как связана бывает родная сестра с горестями и радостями другой сестры.

Общественный резонанс рассматриваемой группы стихотворений Некрасова, за исключением стихотворения «Вчерашний день», сделавшегося известным уже после смерти поэта, был чрезвычайно велик. Охранители от литературы, вроде Плетнева в «Современнике» и Шевырева в «Москвитянине», не находили достаточно резких слов, чтобы достойно заклеить «собрание столь грязных исчадий праздности», какими представлялись им стихи Некрасова; охранители из числа правительственных сановников (шеф жандармов, министр народного просвещения) были не менее возмущены, как это видно из официальной переписки между ними. Характерно, что именно появление в печати рассматриваемых стихов Некрасова, а прежде всего «Колыбельной песни», имело следствием то, что Некрасов, в качестве заведомо неблагонадежного писателя, попал в орбиту пристального наблюдения III Отделения. Этому, надо думать, немало способствовал своими доносами и давний ненавистник Некрасова Ф. Булгарин.

Что касается передовых литературно-общественных кругов, в лице их общепризнанных вождей, революционных демократов Герцена и Белинского, то их отношение к стихам Некрасова этих лет было чрезвычайно положительным, и они высказывали его в очень решительных выражениях. Так, например, Белинский, познакомившись со стихотворением Некрасова «В дороге», воскликнул: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?»¹

¹ И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 404

Последний (четвертый по счету) альманах Некрасова «Первое апреля» хотя и „являлся сравнительно небольшим сборником юмористического характера, однако не лишен был серьезного общественного значения. Он осмеивал в форме юмористических статей и пародий реакционные течения в литературе того времени, главными представителями которых являлись все тот же Булгарин (ему Некрасов посвятил знаменитую эпиграмму «Он у нас осьмое чудо»), Шевырев и Погодин (барды «официальной народности») и славянофилы. С помощью юморесок же в «Первом апреля» были заклеены реакционные социальные группы (бюрократия и крепостническое дворянство). Основным сотрудником альманаха был сам Некрасов, причем наиболее ценным вкладом его были пародии, точнее перепевы, выполнявшие, без сомнения, серьезную общественную функцию. В таких стихотворениях, как «Женщина, каких много», «И скучно, и грустно!», а так же как напечатанная в «Петербургском сборнике» «Колыбельная песня», Некрасов, хотя и пользуется формой стихотворений Пушкина и Лермонтова, но не ради того, чтобы их пародировать, а ради того, чтобы ввиду исключительной популярности и этих стихотворений и их авторов сокрушительнее ударить по некоторым глубоко антипатичным ему явлениям николаевской действительности.

Несколько особняком стоит в составе «Первого апреля» стихотворение Некрасова «Перед дождем».

Кто не помнит этого стихотворения, принадлежащего к подлинным перлам некрасовской лирики? Высоко лиричен пейзаж, занимающий первые три четверостишия и с исключительным мастерством воспроизводящий осеннюю природу с ее заунывным ветром, с ее покрытым тучами небом, с ее глухо шепчущим и роняющим листья лесом, с ее ложащимся на все полумраком, с ее кружащейся в холодном воздухе и хрипло кричащей «стаей галок и ворон». Однако в последнем четверостишии стихотворение приобретает гражданскую окраску:

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику денщик кричит...

Эта гражданская окраска резко усиливается с заменой слова *денщик* словом *жандарм*.¹ Слово *денщик* несколько нейтрал-

¹ В издании стихов Некрасова, принадлежавшем близкому его знакомому известному библиографу П. А. Ефремову, слово «денщик»

зует политическую остроту стихотворения; слово *жандарм*, одно только слово *жандарм*, делает данное стихотворение одним из самых политически острых стихотворений Некрасова. Введение этого слова позволяет утверждать, что в стихотворении «Перед дождем» Некрасов впервые касается такого факта общественной жизни, как отправление в ссылку так называемых «политических преступников», ибо в николаевские времена именно их сопровождали жандармы. Мало того, введение этого слова позволяет рассматривать данное стихотворение как аллегорическое изображение николаевской России. Серенькая природа, тучи, ветер, «стая галок и ворон» — какой это здесь типичный пейзаж! Ямщик — простой русский мужик — как бы олицетворяет угнетенный и поработенный народ. Жандарм — не просто жандарм, а жандарм «с нагайкой» — воплощает несправедную власть, а если вспомнить, что общераспространенной кличкой Николая I была кличка «коронованный жандарм», то в стихотворении можно видеть протест против самого императора и практикуемых им методов управления. Кто сидит в закрытой таратайке, иными словами, кого увозят в ссылку? Поэт покамест не отвечает на этот вопрос, но годом позже, в дни расправы с Шевченко и «кирилло-мефодиевцами», или же тремя годами позже, в дни расправы с «петрашевцами», ему не представило бы никакого труда ответить на этот вопрос.

Наше толкование данного стихотворения — предположительное толкование. Одно совершенно несомненно: введение в текст его слова *жандарм* придает ему остро политический смысл.

Издание альманахов явилось для Некрасова своего рода подготовительной школой к изданию журнала «Современник».

Один из современников Некрасова, работавший с ним рука об руку на журнальном поприще, определяя значение его журнальной деятельности и подчеркивая те трудности, которые приходилось ему преодолевать, «чтобы провести корабль литературы среди бесчисленных подводных и надводных скал», говорит: «И Некрасов вел его, провозя на нем груз высокохудожественных произведений, составляющих ныне общепризнанную гордость литературы, и светлых мыслей, постепенно ставших общим достоянием и частью вошедших в самую жизнь. В этом состоит его незабвенная заслуга, цена кото-

заменено словом «жандарм». Несомненно, что Ефремов в этом случае руководствовался указаниями самого Некрасова.

рой, быть может, даже превосходит цену его собственной поэзии».¹

С последним утверждением согласиться невозможно, ибо в нем сказалась недооценка значения Некрасова как поэта. Но тем не менее это утверждение чрезвычайно показательно: уже самая возможность ставить вопрос так, как он ставится здесь, говорит очень много.

Двадцать лет — с 1847 по 1866 год — Некрасов издавал и редактировал «Современник», десять лет — с 1868 по 1877 год — издавал и редактировал «Отечественные записки». Иными словами, благодаря ему в течение тридцати лет русское общество из месяца в месяц имело возможность следить за развитием передовых идей, подвергаясь их воздействию.

Обратимся же к истории создания «Современника». Аренда «Современника» у его владельца П. А. Плетнева хотя и отдала в руки Некрасова большой журнал, предназначенный быть трибуной деятеля такого исключительно крупного масштаба, как Белинский, возглавлявшего наиболее передовую группировку тогдашней литературы, однако имела и весьма существенные неудобства. Одним из них являлась необходимость платить Плетневу очень значительную аренду, ложившуюся тяжелым бременем на бюджет журнала. И все же овладение «Современником» являлось крупнейшей удачей Некрасова. Это не замедлило сказаться уже в первые годы издания «Современника». Достаточно указать, что в «Современнике» первых двух лет его издания появились такие, — мало сказать, крупные, — исключительные по своему значению произведения русской классической литературы, как «Кто виноват?», «Сорока-воровка», «Из записок доктора Крупова» Герцена, «Обыкновенная история» Гончарова, «Антон Горемыка» Григоровича, начальные рассказы цикла «Записок охотника» Тургенева, стихи Некрасова, в том числе такие прославленные, как «Тройка», «Псовая охота», «Нравственный человек», «Еду ли ночью», стихи Огарева, не говоря уже о статьях Белинского последнего периода его жизни («Взгляд на русскую литературу 1846 г.», «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», «Ответ „Москвитянину“» и т. д. и т. п.).

Нельзя не сказать нескольких слов о направлении «Современника» в 40-е годы. Выяснению его была посвящена знаменитая — ее нельзя не признать «программной» — статья Бе-

¹ Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута, т. I, СПб., 1900, стр. 81.

линского «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» («Современник», 1847, № 1).

Великий критик начинал ее со следующего заявления: «Главная цель нашей статьи — познакомить заранее читателей „Современника“ с его взглядом на русскую литературу, следовательно, с его духом и направлением, как журнала».¹

Рассматриваемая статья Белинского с чрезвычайной наглядностью поясняет, почему в журналах николаевского времени отдел «Критики и библиографии» нередко являлся руководящим отделом. Обусловленная цензурой трудность, иногда невозможность непосредственных высказываний по политическим вопросам приводила к тому, что их протаскивали в качестве контрабандного груза именно авторы критических статей. Подобным же образом поступил и Белинский. Его «Взгляд» заключает в себе такое количество политических высказываний, что они временами заслоняют литературно-критические элементы статьи.

Основная идея этой последней выражена в словах: «Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью».² «Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности. То, что для нас, русских, еще важные вопросы, давно уже решено в Европе. . . Но это нисколько не должно отнимать у нас смелости и охоты заниматься решением таких вопросов, потому-что пока не решим мы их сами собою и для самих себя, нам не будет никакой пользы в том, что они решены в Европе. . . У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения».³

О каких «вопросах» говорит здесь Белинский? Он не мог ответить на это в подцензурном «Современнике», но ответил в написанном без всякой оглядки на цензуру «Письме к Гоголю»: «. . . живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть».⁴

Эта программа довольно умеренна, но «Письмо к Гоголю» проникнуто таким революционным пафосом, дает такую бес-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, 1914, стр. 388

² Там же.

³ Там же, стр. 411—412.

⁴ «Литературное наследство», кн. 56, В. Г. Белинский, т. II, Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 572.

3 Творческий путь Некрасова

пощадно резкую характеристику николаевской действительности с ее тремя китами — православием, самодержавием, народностью, — что В. И. Ленин прямо указал на связь настроения Белинского в письме к Гоголю с настроением крепостных крестьян: оно «зависело от настроения крепостных крестьян».¹

Социально-политические взгляды Белинского всецело разделялись некоторыми руководящими работниками журнала. Совершенно ясно, что «настроение крепостных крестьян» передано и им, и они являлись безусловными сторонниками самой решительной, самой беспощадной борьбы с крепостническим строем.

Либеральная часть сотрудников «Современника» была, само собой разумеется, настроена иначе. Однако справедливость требует отметить, что под воздействием социальной обстановки эпохи (кризис барщинного хозяйства, рост крестьянских волнений) и подчиняясь в известной мере авторитету Белинского и Герцена, некоторые из либералов, сотрудничавших в «Современнике», качнулись влево. С этой точки зрения не лишен значения тот факт, что самый резкий из антикрепостнических рассказов Тургенева «Бурмистр» писался одновременно с «Письмом к Гоголю», причем оба эти произведения были созданы летом 1847 года, в период непосредственного общения их авторов в Зальцбрунне.

После выхода в свет первых книжек журнала организаторы нового «Современника», а среди них первое место по праву принадлежало Некрасову, могли чувствовать себя вполне удовлетворенными. Лучшие писатели эпохи сотрудничали в «Современнике», в нем нашли себе место первоклассные художественные произведения, направление журнала нельзя было не признать в основном демократическим. В результате в первый же год своего существования «Современник» имел большой успех и обзавелся очень значительным количеством подписчиков.

Однако была и другая сторона медали, которая больно давала себя чувствовать: после того как с великими усилиями удалось преодолеть трудности, связанные с отношением к «Современнику» цензуры, с отношением конкурирующих органов печати, со слабостью его финансовой базы и т. д., возникли новые трудности, порожденные внутриредакционными трениями.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 108.

Трудно было убедить Белинского в том, что невключение его в число издателей журнала вовсе не означало умаления его значения в составе редакции «Современника».¹

Еще труднее было добиться того, чтобы Никитенко, которого горькая необходимость вынудила пригласить официальным, — но не фактическим, — редактором журнала, не вмешивался в редакционные дела.

Не мало забот и тревог доставила весьма двусмысленная позиция «москвичей», т. е. кружка московских западников, которые сотрудничали одновременно и в «Современнике» и в «Отечественных записках» Краевского, тогда как при переходе «Современника» в руки новой редакции имелось в виду, что они будут исключительно сотрудниками «Современника». Не забудем, что тогда еще не совсем было ясно, что таких заправских либералов, как, например, Боткин, тянуло к сотрудничеству в либерально-западнических «Отечественных записках» гораздо больше, чем к сотрудничеству в левом «Современнике».

Все возрастающая популярность Белинского, его огромный личный авторитет, чрезвычайно тяжелое, а вскоре ставшее катастрофическим состояние его здоровья удерживали «москвичей» не только от разрыва с ним, но даже от открытой полемики в письмах, но все же временами они были не в силах, говоря о нем, сдерживать своего раздражения.

Назревавшее в 1847 году расхождение в кружке «Современника» — интереснейшая, но почти не исследованная научным лигатуроведением проблема. Мы не имеем возможности вдаваться в такое исследование, но для нас совершенно ясно, что пути Белинского, Герцена, Некрасова, с одной стороны, Боткина, Анненкова, Кавелина, с другой, в 1847 году были близки к тому, чтобы окончательно разойтись. Однако по целому ряду причин этого не произошло. Белинский тяжело заболел, а затем скончался; Герцен уехал за границу. С 1848 года начался иной период в русской общественной жизни, период злейшей политической реакции. Все это отодвинуло окончательное размежевание либералов и революционеров-демократов и прямой разрыв между ними на несколько лет.

Обстановка политической реакции мрачного семилетия (1848—1855) поставила Некрасова, оставшегося в «Современнике» одиноким, в исключительно трудные условия. Для того чтобы спасти «Современник» от гибели, нужны были титаниче-

¹ См. В. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. II, стр. 98—104.

ские усилия, незаурядный талант, неутомимая энергия, непоколебимая вера в свое дело. Все эти качества были присущи Некрасову в высшей степени. Усилиями Некрасова «Современник» был спасен.

Не жалея сил, буквально сгорая в пламени тяжелой и неблагодарной работы редактора-издателя, Некрасов сумел разрешить три сложнейшие проблемы, из которых каждая грозила «Современнику» гибелью: 1) ему удавалось раздобывать для журнала такой материал, который помогал ему удерживать за собой первое место в журналистике 40—50-х годов; 2) он нашел способы, хотя это ему стоило очень дорого, поддерживать некий *modus vivendi* с цензурой; 3) он преодолевал, казалось бы, непреодолимые трудности чисто материального порядка, создаваемые перебоями, а иногда и падением подписки.

